

СОВРЕМЕННАЯ

КЛАССИКА

РОБЕРТ ГЭЛБРЕЙТ

ЗОВ
Кукушки

Издательство «Иностранка»

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Г 98

First published in Great Britain in 2013 by Sphere
THE CUCKOO'S CALLING
Copyright © 2013 Robert Galbraith Limited.

Моральное право автора утверждено.

Все действующие лица и события в этой публикации, за исключением тех, информация о которых, бесспорно, содержится в открытых источниках, являются вымышленными, а любое сходство с реальными лицами, как ныне живущими, так и покойными, случайно.

Все права защищены.

Никакая часть настоящего издания не подлежит воспроизведению, сохранению в базе данных или системе поиска и распространению какими бы то ни было способами и средствами без предварительного письменного разрешения издательства. Издательство не несет ответственности за сайты (и их содержание), не принадлежащие издательству.

Перевод с английского Елены Петровой

Русское издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-06735-6

© Е. С. Петрова, перевод, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство ИНОСТРАНКА®

Реальному Дибби — с большой благодарностью

Зачем пришла ты в этот мир порой снегов?
Не той порой, когда звучит в лесу кукушки зов,
Не той порой, когда лоза лелеет виноград,
И не тогда, когда стрижей лихой отряд
 Стремится вдаль, в чужие страны света,
 От смерти лета.

Зачем из мира ты ушла, когда стригут руно?
Не той порой, когда плодам упасть на землю суждено,
Когда забыл кузнечик стрекот свой,
Когда висит над нивой полог дождевой,
 А ветер лишь вздыхает средь ненастья
 О смерти счастья.

Кристина Дж. Россетти. Погребальная песнь

The word 'ПРОЛОГ' is written in a large, black, serif font. It is surrounded by several small, black, stylized bird silhouettes in flight, scattered around the text.

ПРОЛОГ

Is demum miser est, cuius nobilitas miseria nobilitat.

Несчастлив тот, чья слава его несчастья прославляет.

Луций Акций. *Телеф*

Улица жужжала, как рой мух. За полицейским кордоном толпились фотографы с длинноносими камерами на изготовку; дыхание взмывало вверх облаками пара. На шапки и плечи падал снег; пальцы в перчатках протирали объективы. Время от времени лениво щелкали затворы фотоаппаратов: кто-то наудачу снимал белую брезентовую палатку на проезжей части, вход в кирпичный жилой дом, а также балкон верхнего этажа, откуда упало тело.

За плотной толпой папарацци стояли белые фургоны с огромными спутниковыми тарелками на крышах; репортеры без умолку трещали (некоторые — на иностранных языках), а рядом нависали звукооператоры в наушниках. Переводя дух, репортеры притопывали ногами и согревали руки о горячие кофейники, доставленные из переполненного кафе поодаль. От нечего делать операторы в вязаных шапочках снимали чужие спины, балкон, палатку, скрывшую тело, а потом перемещались в более удобные точки, чтобы взять общий кадр того хаоса, который взорвал сонную заснеженную улицу в Мейфэре, где ряды черных дверей в обрамлении белых каменных портиков дремали под защитой живых изгородей. Перед домом номер восемнадцать была натянута лента ограждения. В вестибюле мелькали полицейские чины, некоторые — в белой форме судмедэкспертов.

По всем телевизионным каналам уже несколько часов передавали эту новость. Улицу с обоих концов запрудили отесняемые полицейскими любопытные: кто-то специально пришел поглазеть, кто-то задержался по пути на работу. Прохожие держали снимки на мобильные телефоны. Один парень, не зная,

который балкон стал роковым, сфотографировал все поочередно, хотя средний был полностью занят кустарниками — тройкой аккуратно подстриженных вечнозеленых крон, не оставивших места для человеческого присутствия.

В объективы попала стайка девчонок с цветами: полицейские в замешательстве принимали у них букеты и неловко складывали на заднем сиденье своего микроавтобуса, понимая, что каждый их шаг фиксируется камерами.

Корреспонденты каналов круглосуточного вещания немолчно комментировали происходящее, строя догадки вокруг сенсационных, но весьма скудных фактов.

— ...из своего пентхауса около двух часов ночи. Полицию вызвал охранник, дежуривший в подъезде дома...

— ...тело до сих пор не увезли, и это наводит на мысль о том, что...

— ...не сообщается, был ли кто-нибудь поблизости, когда она упала...

— ...несколько бригад вошли в дом для проведения тщательного осмотра...

В палатке разливался холодный свет. Возле трупа на корточки опустились двое, наконец-то получив разрешение уложить его в мешок с молнией. Из головы на снег вытекло немного крови. Лицо, превратившееся в сплошной отек, было разбито, один глаз полностью заплыл, другой проглядывал мутно-белой полоской сквозь набухшие веки. Расшитый блестками топ искрился от малейшего мерцания лампы, отчего всякий раз возникало тревожное впечатление движения, как будто грудная клетка шевельнулась от вдоха или напряглась перед рывком. Снег мягкими хлопьями трогал брезент, словно перебирая невидимые струны.

— Долго еще ждать эту чертову труповозку?

Инспектор уголовной полиции Рой Карвер выходил из себя. Его физиономия давно приобрела цвет мясных консервов, а сорочки, пропотевшие под мышками, вечно лопались на брюхе. Скудный запас терпения иссяк у него не один час назад: Карвер появился здесь немногим позже трупа; ноги уже окоченели и не слушались, в голове плыло от голода.

— Сантранспорт прибует через две минуты, — невольно ответил на вопрос начальства сержант Эрик Уордл; он вошел в палатку, прижимая к уху мобильник. — Я уже обеспечил проезд.

Карвер только фыркнул. Его злило еще и то, что Уордл в открытую наслаждался всеобщим вниманием. По-мальчишески привлекательный, с густыми, вьющимися каштановыми волосами, припорошенными снегом, он, по мнению Карвера, заигрывал со всеми, кому удавалось пробиться ближе к палатке.

— Сами разойдутся, как только труп увезем, — сказал Уордл, высовываясь на улицу и позируя перед объективами.

— Черта с два они разойдутся, пока мы тут в убийство играем! — рявкнул Карвер.

Уордл промолчал, не поддаваясь на провокацию. Но Карвер все равно взорвался:

— Эта курица сама из окна сиганула! Никого с ней не было. А твоя, с позволения сказать, свидетельница до того обдолбалась, что...

— Едет!

Выскользнув из палатки, Уордл, к отвращению Карвера, эффектно встретил санитарную машину.

История эта заслонила собой политические коллизии, войны и катастрофы; каждая ее версия сопровождалась фотографией безупречного личика и гибкой, точеной фигуры. В считанные часы крупницы достоверной информации как вирус распространились среди миллионов: прилюдный скандал со знаменитым бойфрендом, поездка домой в одиночку, подслушанные крики и финальное, фатальное падение...

Бойфренд спешно укрылся в наркологической клинике, а полиция хранила молчание; были установлены все, кто в тот роковой вечер общался с погибшей; материала хватило на тысячи газетных колонок и многочасовые выпуски теленовостей, а та женщина, которая поклялась, что непосредственно перед падением тела слышала шум очередной ссоры, даже прославилась, хотя и ненадолго: ее фотографии, пусть небольшого формата, появились рядом с портретами жертвы.

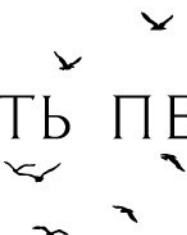
Но вскоре, под едва ли не явственный стон всеобщего разочарования, выяснилось, что свидетельница солгала, после чего укрылась в наркологической клинике, а знаменитый первоначальный подозреваемый, наоборот, перестал прятаться, словно это были фигурки в альпийском барометре-домике, мужская и женская, способные появляться только по очереди.

Итак, самоубийство; после непродолжительной паузы история обрела слабое второе дыхание. Стало известно, что погибшая отличалась неуравновешенным, нестабильным характером, была подвержена звездной болезни, водила знакомство с безнравственными олигархами, которые ее развратили, а погружение в непривычный для нее беспорядочный образ жизни окончательно разрушило и без того хрупкую личность. Ее трагедия стала скорбным назиданием для других; журналисты так часто использовали сравнение с Икаром, что желчный «Прайвйт ай»¹ даже опубликовал целую статью на эту тему.

Но в конце концов ажиотаж пошел на убыль, и даже газетчикам больше нечего было сказать, кроме того, что все уже сказано.

¹ *Private Eye* («Частный взгляд», «Частный детектив») — английский сатирический журнал, издается с 1961 г. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ТРИ МЕСЯЦА
СПУСТЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Nam in omni adversitate fortunae infelicissimum est
genus infortunii, fuisse felicem.*

Ведь при всякой превратности фортуны
самое тяжкое несчастье в том, что ты был счастлив.

Бозэций. Утешение философией¹

¹ Перевод В. И. Уколовой и М. Н. Цейтлина.

1

Какие только драмы и перипетии не случались с Робин Эллакотт за двадцать пять лет ее жизни, но ни разу еще она не просыпалась в твердой уверенности, что наступающий день запомнится ей навсегда.

Накануне, уже за полночь, ее давний бойфренд Мэтью сделал ей предложение под статуей Эроса на площади Пиккадилли. Когда Робин ответила согласием, у него от волнения даже закружилась голова и он признался, что хотел попросить ее руки еще за ужином, в тайском ресторане, но его остановило присутствие сидевшей рядом молчаливой парочки, которая жадно ловила каждое их слово. Поэтому он убедил Робин побродить в сумерках по улицам, хотя она твердила, что завтра им обоим рано вставать; однако на него уже нахлынуло вдохновение, и он направился в сторону пьедестала, чем несказанно ее удивил. Там, на холодном ветру, отбросив свою сдержанность (чего с ним никогда не бывало), Мэтью опустился на одно колено поблизости от трех закутанных бомжей, распивавших, судя по всему, метиловый спирт, и попросил ее стать его женой.

По мнению Робин, это было самое великолепное предложение руки и сердца за всю историю брачных союзов. У Мэтью в кармане даже лежало кольцо, которое сейчас поблескивало у нее на пальце: идеально подходящее по размеру, с сапфиром и парой бриллиантов; на обратном пути она не сводила с него глаз, держа руку на коленке. Теперь у них с Мэтью появилось захватывающее семейное предание — из тех, что рассказывают детям: как он продумал свой план (ей было приятно, что он все продумал) и не растерялся от неожиданных помех, а решил действовать экспромтом. Ей было приятно все: и эти

бомжи под луной, и растерянный, взволнованный Мэтью, опустившийся на одно колено, и Эрос на грязноватой, до боли знакомой Пиккадилли, и черное такси, которое везло их домой, в Клэпхем. Она уже готова была полюбить весь Лондон, к которому так и не привыкла за целый месяц, что прожила в этом городе. Сияние кольца смягчило даже бледные, неприветливые лица пассажиров метро; выходя со станции «Тотнем-Корт-роуд» на утренний мартовский холод, она тронула большим пальцем платиновый ободок и почувствовала, как ее захлестнула радость при мысли о том, что в обеденный перерыв можно будет закупить ворох свадебных журналов. Под внимательными мужскими взглядами она преодолевала раскопанный участок Оксфорд-стрит, сверяясь с зажатым в правой руке листком. По всем меркам Робин была недурна собой: высокая, фигуристая, с длинными, светлыми, чуть рыжеватыми волосами, которые подрагивали от каждого стремительного шага; ко всему прочему, холодный воздух тронул румянцем ее щеки. Ей предстояло взять на себя обязанности временной секретарши сроком на одну неделю. Съехавшись в Лондоне с Мэтью, она подрабатывала тем, что выходила на замену по заявкам различных фирм, хотя уже наметила несколько собеседований для устройства на «нормальную», по ее выражению, работу.

Главная трудность этой тоскливой деятельности подчас заключалась в том, чтобы отыскать нужный офис. После ее родного йоркширского городка Лондон выглядел гигантским, запутанным и неприступным. Мэтью не раз предупреждал, чтобы на улице она не утыкалась носом в путеводитель, — это выдавало в ней приезжую и могло повлечь за собой любые напасти. Поэтому Робин в основном полагалась на схематичные планы, которые в агентстве по временному трудоустройству кто-нибудь чертил для нее от руки. Впрочем, она была далеко не уверена, что с этими листками выглядит коренной столичной жительницей.

Из-за металлических баррикад и синих пластиковых заграждений, которыми был обнесен раскопанный тротуар, она плохо понимала, куда двигаться дальше, потому что не видела нанесенных на план ориентиров. Перейдя на другую сторону перед высоким офисным зданием, которое значилось у нее как

«Сентр-пойнт»¹ и частыми квадратиками окон напоминало исполинскую бетонную вафлю, Робин понадеялась, что скоро окажется на Денмарк-стрит.

Эту короткую улочку она нашла почти случайно, миновав узкий проезд под названием Денмарк-плейс и увидев перед собой ряды живописных витрин с гитарами, синтезаторами и массой других музыкальных принадлежностей. На проезжей части зиял очередной раскоп, обнесенный красно-белым заграждением; рабочие в фосфоресцирующих жилетах приветствовали девушку оживленным утренним гиканьем, но она делала вид, что не слышит.

Робин посмотрела на часы. Как правило, она приезжала с запасом — на тот случай, если не сразу найдет указанный адрес, и сейчас у нее оставалось еще пятнадцать минут. Непрезентабельная дверь, выкрашенная в черный цвет, располагалась слева от бара «12 тактов»; у кнопки звонка третьего этажа на линованной бумажке, прилепленной скотчем, была нацарапана фамилия хозяина одного из офисов. В какой-нибудь другой день, не будь у нее на пальце новехонького, сверкающего кольца, она бы, наверное, сочла это форменным безобразием, но сегодня и неряшливая бумажонка, и облупленная краска выглядели подобно вчерашним бродягам, всего лишь причудливым фоном ее великого романа. Робин еще раз проверила время (от блеска сапфира у нее зашло сердце: таким камнем можно любоваться до конца своих дней) и в приливе эйфории решила явиться пораньше, чтобы продемонстрировать служебное рвение, от которого по большому счету ничего не зависело.

Не успела она позвонить, как черная дверь распахнулась и на тротуар выскочила какая-то женщина. На один странно затянувшийся миг они впились друг в дружку глазами: каждая уже приготовилась к столкновению. Этим волшебным утром все чувства Робин обострились до предела; на нее произвело такое впечатление это белое как мел лицо, виденное лишь долю секунды, что она, увернувшись от столкновения лишь на

¹ «Сентр-пойнт» — офисное здание в центре Лондона, один из первых небоскребов британской столицы. Построен в 1967 г. по проекту Р. Сейферта у станции метро «Тотнем-Корт-роуд». Охраняется государством как памятник архитектуры.

какой-то сантиметр и проводив глазами быстро скрывшуюся за углом темноволосую незнакомку, с портретной точностью запечатлела в памяти этот облик. Бледное лицо запомнилось не только своей необычайной красотой, но и особым выражением: злобным и в то же время довольным.

Робин успела придержать дверь и вошла в неопрятный подъезд. Древнюю клеть давно умершего лифта огибала столь же старомодная винтовая лестница. С осторожностью переставляя ноги, чтобы шпильки не застряли в металлической решетке ступенек, Робин благополучно миновала площадку второго этажа, где на одной из дверей красовался заламинированный и вставленный в раму постер: «Фирма „Крауди“. Графический дизайн». Но, только лишь поднявшись этажом выше, она поняла, куда ее направило агентство. Хоть бы предупредили! На стеклянной двери было выгравировано то же имя, что читалось на бумажке у входа: «К. Б. Страйк», а ниже — «частный детектив».

С приоткрытым ртом она застыла на месте, охваченная восторгом, какого не понял бы никто из ее знакомых. Ни одной живой душе (даже Мэтью) Робин не открывала тайную, сокровенную мечту всей своей жизни. Выходит, сбылось, да еще в такой день! Как будто ей подмигнул сам Всевышний. (Вот что значит магия того дня — Мэтью, кольцо... хотя, если здраво рассудить, какая тут связь?)

Ликуя, Робин медленно сделала пару шагов вперед и вытянула левую руку (в тусклом свете сапфир казался густо-синим), но не успела коснуться дверной ручки, как стеклянная дверь точно так же распахнулась у нее перед носом.

На этот раз столкновения избежать не удалось. На нее обрушился невидящий, всклокоченный центнер мужского веса; не удержавшись на ногах, Робин неуклюже взмахнула руками, выронила сумку и полетела назад, к смертельно зияющей железной лестнице.

2

Страйк принял удар легко. Оглушенный пронзительным воплем, он, недолго думая, выбросил вперед длинную ручищу и сграбастал складку одежды вместе с живой плотью; тут от каменных стен эхом отозвался второй вопль, но Страйк мощным рывком сумел вернуть незнакомку в вертикальное положение. Ее крики все еще отдавались в лестничном пролете, и у Страйка невольно вырвалось:

— Тьфу, зараза!

У входа в его контору стонала и корчилась от боли незнакомая девушка. Видя, что ее перекосило на один бок, а рука зарылась под застежку пальто, Страйк заключил, что во время спасательной операции ненароком помял ей левую грудь. Раскрасневшееся девичье лицо скрывала завеса густых светлых прядей, но Страйк разглядел, что по щекам бегут слезы.

— Черт... простите! — Его зычный голос прогремел на весь подъезд. — Не заметил... Я никого не ждал...

Со второго этажа подал голос чудаковатый дизайнер-одиночка: «Что там у вас происходит?»; вслед за тем сверху глухо заворчал управляющий нижним баром, который снимал жилье в мансарде, как раз над офисом Страйка: его тоже встревожили, а может, и разбудили крики на лестнице.

— Зайдите...

Кончиками пальцев, чтобы только не коснуться скрюченной фигуры, привалившейся к стене, Страйк толкнул стеклянную дверь.

— Ну что, разобрались там? — сварливо выкрикнул дизайнер.

Страйк помог ей войти в офис и с грохотом захлопнул дверь.

— Я в полном порядке, — дрожащим голосом солгала Робин, которая стояла к нему спиной и все еще держалась за грудь.

Через несколько секунд она выпрямилась и повернулась к Страйку: ее багровое лицо по-прежнему было мокрым от слез.

Невольный обидчик оказался настоящим громилой: высоченный, заросший, как медведь гризли, да еще с брюшком; под левой бровью ссадина, глаз подбит, левая щека, равно как и правая сторона мощной шеи, видневшаяся из расстегнутого ворота рубашки, исполосована глубокими царапинами с запекшейся в них кровью.

— Вы м-мистер Страйк?

— Он самый.

— Я... я... на замену.

— Куда-куда?

— На замену, временно. Из агентства «Временные решения», понимаете?

Название агентства не стерло недоумения с его разукрашенной физиономии. Взаимная неприязнь, смешанная с нервозностью, нарастала. Как и Робин, Корморан Страйк знал, что на всю жизнь запомнит истекшие сутки. А теперь, похоже, злой рок прислал к нему свою вестницу в просторном бежевом тренче, чтобы напомнить о неминуемой и уже близкой катастрофе. Какие могут быть замены? Уволив прежнюю секретаршу, он посчитал, что контракт с агентством аннулирован.

— И на какой же срок?

— Для начала на одну неделю, — ответила Робин, которая впервые встретила такой неласковый прием.

Страйк быстро прикинул кое-что в уме. Одна неделя, учитывая грабительские расценки агентства, грозила ему финансовой пропастью — он и без того превысил все лимиты, а основной кредитор не раз намекал, что только ждет удобного случая.

— Я сейчас.

Он вышел за стеклянную дверь, свернул направо и заперся в тесном, промозглом сортире. Из пятнистого, в трещинах зеркала над раковиной на него смотрел довольно странный тип.

Высокий, крутой лоб, приплюснутый нос, густые брови — этаким еще не старый Бетховен в роли боксера; заплывший глаз с фингалом только усиливал это впечатление. Густые курчавые волосы, жесткие, как щетина, объясняли, почему в молодые годы ему дали кличку Лобок, не говоря уже о разных других прозвищах. Выглядел он куда старше своих тридцати пяти.

Вставив заглушку в сливное отверстие давно не мытой раковины, он открыл кран, а потом сделал глубокий вдох и опустил голову в холодную воду, чтобы унять стук в висках. Вода хлынула через край прямо ему на ботинки, но он предпочел этого не замечать и с десяток секунд наслаждался слепой ледяной неподвижностью.

У него в мозгу проносились разрозненные картины прошлой ночи: как он под ругань Шарлотты запихивал в рюкзак содержимое трех ящичков комода; как ему в бровь полетела пепельница, когда он напоследок оглянулся, как ноги темными улицами несли его в контору, где он пару часов подремал в своем рабочем кресле. Дальше — гнусная сцена, когда Шарлотта ворвалась к нему на рассвете, чтобы вонзить в него последние бандерильи, оставшиеся от ночного скандала; исполозовав ему ногтями лицо, она ринулась прочь, и он твердо решил отпустить ее на все четыре стороны, но в минутном помрачении рассудка бросился следом: погоня завершилась так же стремительно, как и началась, потому что на его пути по недомыслию возникла эта пустоголовая девица, которую пришлось ловить на лету, а потом еще и успокаивать.

Распрямившись, Страйк издал судорожный вздох и удовлетворенно фыркнул; лицо и вся голова приятно онемели, кожу покалывало. Он досуха вытерся заскорузлым полотенцем, висевшим на двери, а потом еще раз поглядел на свое отражение. Запекшаяся кровь отмокла, и царапины теперь выглядели примерно как следы от смятой подушки. Шарлотта, по всей вероятности, уже дошла до метро. Почему, собственно, он и ринулся за ней следом: у него мелькнула безумная мысль, что она может броситься под поезд. Однажды, когда им было лет по двадцать пять, у них уже случился похожий эпизод: она напилась, залезла на крышу, остановилась, покачиваясь, на самой кромке

и грозилась прыгнуть. Наверное, он должен был бы сказать спасибо агентству «Временные решения»: ведь это оно в конечном счете пресекло его погоню. После утренней сцены пути назад все равно не было. И точка.

Оттянув от шеи намокший воротник, Страйк повозился с ржавой задвижкой и направился к стеклянной двери.

На улице грохотал отбойный молоток. Робин стояла у письменного стола, спиной ко входу; от Страйка не укрылось, что при его появлении она резко выдернула руку из-под лацкана пальто — не иначе как снова массировала грудь.

— У вас... вам больно? — спросил он, избегая смотреть на травмированный орган.

— Со мной все в порядке. Послушайте, если секретарь-референт вам не нужен, я пойду, — с достоинством выговорила Робин.

— Нет-нет... ни в коем случае. — Страйк с отвращением прислушивался к собственным словам. — На одну неделю — как раз то, что надо. Э-э-э... Вот тут корреспонденция... — Он поднял с коврика кипу писем и бросил их на голый стол как испуганное жертвоприношение. — Будьте добры, просмотрите... отвечайте на телефонные звонки, слегка тут приберите... пароль компьютера — Hatherill-два-три, давайте я запишу... — Он проделал это под ее настороженным, опасливым взглядом. — Вот, держите... Если что — я у себя.

Он осторожно затворил за собой дверь и остановился, глядя на стоявший под голым столом рюкзак. В нем уместились его пожитки — одна десятая того, что осталось в квартире у Шарлотты и, скорее всего, никогда к нему не вернется. К полудню те вещи будут сожжены, вышвырнуты на улицу, изрезаны, затоптаны, растворены в хлорке. За окном безжалостно тарахтел отбойный молоток.

Гигантские долги, платить нечем, крах неизбежен, последствия непредсказуемы, Шарлотта начнет изощренно пакостить в отместку за его уход... Страйк обессилел; все эти напасти адским калейдоскопом закрутились у него перед глазами.

Не чуя под собой ног, он сам не заметил, как рухнул в то же самое кресло, где провел остаток минувшей ночи. За тонкой перегородкой слышалось какое-то движение. Не иначе как

«Временные решения» включили компьютер и очень скоро выяснят, что за три недели ему не поступило ни единого предложения по бизнесу. А потом — он же сам попросил — секретарша начнет вскрывать конверты и просматривать последние требования. Усталость, ссадины и голод сделали свое дело: Страйк опять уткнулся лицом в стол, спасательным кругом подложив руки под голову, чтобы не видеть и не слышать, как незнакомая девица у него в приемной станет вытаскивать на свет его позор.

3

Через пять минут в дверь постучали; Страйк, у которого уже слиплись глаза, подскочил в кресле.

— Можно?

В подкорке опять возникла Шарлотта, но в кабинет, как ни странно, вошла все та же малознакомая девица. Теперь она была без пальто — в кремовом джемпере, который мягко и даже соблазнительно облегал изгибы тела. Страйк заговорил с ее лбом:

— Что такое?

— К вам клиент. Вы сможете его принять?

— Не понял?

— Клиент, мистер Страйк.

Несколько мгновений он таращился на нее, переваривая эту информацию.

— Да, хорошо... нет, дайте мне пару минут, Сандра, а потом пусть заходит.

Она исчезла без единого слова.

Страйк на долю секунды задумался, почему вдруг назвал ее Сандрой, но потом торопливо вскочил; по его виду и запаху нетрудно было угадать человека, который спал в одежде. Запустив руку в рюкзак, он нашарил зубную пасту и выдавил длинную колбаску прямо в рот; намокший в раковине галстук еще не просох, рубашка была забрызгана кровью — он сорвал с себя и то и другое, да так, что отлетающие пуговицы только отскакивали от стен и от картотечного шкафа, вытащил мятую, но зато свежую рубашку и мигом застегнул ее на себе толстыми пальцами. Рюкзак был тут же задвинут за пустой шкаф, а Страйк без промедления вернулся к письменному столу и на

всякий случай прочистил внутренние уголки глаз, размышляя, не померещился ли девице так называемый клиент и хватит ли у того реальных денег на частного детектива. За те полтора года, что дела Страйка медленно, но верно шли под откос, он понял, что вопросы эти — далеко не праздные. Он до сих пор не вытряс из двух клиентов оплату своих услуг; третий клиент и вовсе отказался платить, когда Страйк раскопал какие-то нелицеприятные для того прохиндея факты, а увязший в долгах Страйк даже не смог позволить себе нанять адвоката, тем более что удорожание аренды в центральных районах Лондона грозило вот-вот лишить его офиса — предмета особой гордости. В своем воображении он нередко прокручивал жесткие и грубые методы выколачивания денег; приятно было наблюдать, хотя бы мысленно, как наглые должники забиваются в угол при виде бейсбольной биты.

Дверь снова открыли; Страйк уже сидел за столом. Он резко выдернул из ноздри указательный палец и расправил плечи, приняв бодрый, деловой вид.

— Мистер Страйк, к вам мистер Бристоу.

Следом за Робин в кабинет вошел потенциальный клиент. Он производил обнадеживающее впечатление. Пусть в его облике было нечто кроличье (короткая верхняя губа, крупные передние зубы, сам какой-то бесцветный), пусть глаза — судя по всему, близорукие — скрывались за толстыми линзами очков, зато от безупречного серого костюма, от блестящего ярко-голубого галстука, от часов и ботинок так и веяло большими деньгами.

Крахмальная белоснежность его сорочки стала немым укором Страйку, который внутренне содрогнулся от собственной помятости. Чтобы не спасовать перед лицом чужого щегольства, он вытянулся во весь свой двухметровый рост, протянул клиенту волосатую руку и напустил на себя вид предельно занятого специалиста, которому некогда думать о стирке и глажке.

— Корморан Страйк. Добрый день.

— Джон Бристоу, — представился вошедший, пожимая протянутую руку.

Голос у него был приятного тембра, интеллигентный, неуверенный. Взгляд устремился на подбитый глаз Страйка.

— Чай, кофе, джентльмены? — спросила Робин.

Бристоу попросил маленький черный кофе, а Страйк промолчал: краем глаза он увидел в приемной девушку с тяжелыми бровями, одетую в старомодный твидовый костюм. Она сидела на потертом диванчике возле входной двери. У Страйка шевельнулась дерзкая надежда, что к нему пожаловали сразу двое клиентов. Не прислали же ему вторую временную секретаршу?

— А для вас, мистер Страйк? — уточнила Робин.

— Что? Да-да... черный кофе, два куска сахара, будьте добры, Сандра, — машинально выпалил он.

Выходя из кабинета, Робин скривилась, и тут он вспомнил, что ни кофе, ни сахара у него не водится, да и чашек тоже.

Усевшись в кресло, Бристоу обвел глазами неуютный кабинет; Страйк огорчился, когда уловил в его взгляде нечто очень похожее на разочарование. Новый клиент вел себя нервно и как-то виновато; у Страйка такая манера ассоциировалась с ревнивыми мужьями, но от посетителя исходила определенная властность, хотя такое впечатление создавал в основном вопиюще дорогой костюм. Страйку оставалось только гадать, как на него вышел подобный субъект. Вряд ли его привела сюда молва: на тот момент у Страйка была всего одна клиентка, да и та постоянно рыдала в телефон, жалуясь на свое одиночество.

— Чем могу служить, мистер Бристоу? — спросил Страйк, также опустившийся в кресло.

— Видите ли... мм... на самом деле мне просто нужно проверить... Кажется, мы с вами уже встречались.

— Разве?

— Вы меня, конечно, не помните, это было давным-давно... сдается мне, вы дружили с моим братом Чарли. Чарли Бристоу. Он погиб... несчастный случай... ему было девять лет.

— Мать честная! — воскликнул Страйк. — Чарли... да, конечно помню!

И в самом деле, память его не подвела. Чарли Бристоу был одним из множества ребят, с кем подружился Страйк за годы своего детства, которое прошло в разладах и разъездах. Симпатия, хулиган, смельчак, главарь самой крутой банды в лондонской школе, куда перевели Страйка, Чарли увидел здоровен-

ного новичка, говорившего с потешным корнуолльским акцентом, и тут же приблизил его к себе. За этим последовали два месяца закадычной дружбы и бесшабашных проделок. Страйка всегда привлекал домашний уют, которым не были обделены другие мальчишки: они росли в нормальных, приличных семьях и спали в отдельной комнате, которая годами сохранялась за своим обитателем, — Чарли не стал исключением. Страйк живо вспоминал большой, роскошный дом, где жил Чарли. Запомнились ему и длинный, залитый солнцем газон, и шалаш на дереве, и лимонная шипучка со льдом, которую готовила для них мать Чарли.

А потом настал тот день неопишемого ужаса, когда они вернулись в школу после пасхальных каникул и классная руководительница объявила, что Чарли больше нет, что он погиб в Уэльсе: гонял на велосипеде по кромке карьера и сорвался вниз, на камни. Эта училка, старая калоша, не упустила случая подчеркнуть, что ему было строго-настрого запрещено играть у карьера, но Чарли, который, как всем известно, зачастую не слушался старших, в очередной раз поступил по-своему — видимо, бравировал перед местными... Тут ей пришлось умолкнуть, потому что две ученицы за первой партой в голос расплакались.

С той поры Страйк, видя перед собой карьер (хоть наяву, хоть мысленно), всякий раз представлял, как разбивается смешливое белобровое мальчишеское лицо. Он подозревал, что все одноклассники Чарли сохранили в душе этот страх перед огромной темной ямой, крутым обрывом и безжалостным щебнем.

— Чарли забыть невозможно, — сказал он.

У Бристоу слегка дрогнул кадык.

— Конечно. Понимаете, мне врезалось в память ваше имя. Чарли все время о вас говорил — даже тогда, на каникулах, незадолго до своей гибели. «Мой друг Страйк», «Корморан Страйк». Необычное сочетание, правда? Не знаете, откуда произошла ваша фамилия? Мне она нигде больше не встречалась.

Бристоу был не первым, кто ходил вокруг да около: люди частенько заводили беседы о погоде, о плате за въезд в центр

города, о сортах чая и кофе, лишь бы оттянуть разговор о том деле, которое, собственно, и привело их сюда.

— Я слышал, это слово имеет отношение к зерну, — сообщил Страйк. — Какая-то мера зерна.

— В самом деле? А первая мысль — что оно имеет отношение к стрелялкам или забастовкам¹, ха-ха... значит, нет... Видите ли, когда я раздумывал, к кому бы обратиться, мне в справочнике попала ваша фамилия. — У Бристоу задрожало колено. — Думаю, вы понимаете, как я... какое у меня... в общем, это был знак свыше. Знак от Чарли. Подтверждение, что я на правильном пути.

Он сглотнул, и кадык опять дернулся.

— Это понятно, — осторожно подытожил Страйк, надеясь, что его не принимают за медиума.

— Видите ли, речь идет о моей сестре, — отважился Бристоу.

— Так. Она попала в беду?

— Она погибла.

У Страйка чуть не вырвалось: «Как, и она тоже?» — но вслух он с той же осторожностью произнес:

— Мои соболезнования.

Судорожным кивком Бристоу показал, что соболезнования приняты.

— Я... это нелегко. Во-первых, вам нужно знать: мою сестру зовут... звали... Лула Лэндри.

Надежда, на краткое время вспыхнувшая с появлением этого человека, стала могильной плитой клониться вперед и неумолимо придавила Страйка. Сидевший напротив него посетитель слегка тронулся умом, а может, и окончательно спятил. Проще было поверить в существование двух одинаковых снежинок, чем в родство этого блеклого кролика и бронзовой, длинноногой, экзотической красавицы, какой была Лула Лэндри.

— Наши родители ее удочерили, — покорно объяснил Бристоу, словно читая мысли Страйка. — Мы все были приемными детьми.

¹ Strike (англ.) — удар; попадание; забастовка.

Гэлбрейт Р.

Г 98 Зов Кукушки : роман / Роберт Гэлбрейт ; пер. с англ. Е. Петровой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 480 с. — (Иностранная литература. Современная классика). ISBN 978-5-389-06735-6

Когда скандально известная топ-модель, упав с заснеженного балкона своего пентхауса, разбивается насмерть, все решают, что это самоубийство. Но брат девушки не может смириться с таким выводом и обращается к услугам частного сыщика по имени Корморан Страйк.

Страйк прошел войну, пострадал физически и душевно; жизнь его несется под откос. Теперь он рассчитывает закрыть хотя бы финансовую брешь, однако расследование оборачивается коварной ловушкой. Углубляясь в запутанную историю юной звезды, Страйк приоткрывает тайную изнанку событий — и сам движется навстречу смертельной опасности...

Захватывающий, отточенный сюжет разворачивается на фоне Лондона, от тихих улиц благопристойного Мэйфера до обшарпанных пабов Ист-Энда и круглосуточно бурлящего Сохо. «Зов Кукушки» — незаурядный и заслуженно популярный роман, в котором впервые появляется Корморан Страйк. Это также первое произведение Дж.К. Роулинг, созданное в детективном жанре и подписанное именем Роберта Гэлбрейта.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ГЭЛБРЕЙТ
ЗОВ КУКУШКИ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Светлана Федорова, Лариса Ершова

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 13.12.2018. Формат издания $60 \times 90 \frac{1}{16}$.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 30.
Заказ № .

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-A1L-14714-12-R